

■ конкурс

“Вряд ли мы когда-нибудь будем строить самолеты”

Манана Доиджашвили — Газете

В воскресенье в Тбилиси открывается Третий международный конкурс пианистов. Среди членов его жюри — такие выдающиеся музыканты, как Олег Майзенберг, Мишель Дальберто, Дмитрий Алексеев, а возглавляет жюри ректор Тбилисской консерватории Манана Доиджашвили. О возникновении конкурса, о жизни консерватории в 1990-е и сегодня, а также о многом другом Манана Доиджашвили рассказала в эксклюзивном интервью корреспонденту Газеты Илье Овчинникову.

Фотограф: Илья Овчинников / Газета

газета

хранитель традиций

Среди выпускников Тбилисской консерватории имени В. Сараджишвили — мастера искусств самого широкого профиля: пианистка Элисо Вирсаладзе, скрипачка Марина Яшвили, певцы Маквала Касрашвили, Паата Бурчуладзе, Нани Брегадзе, даже кинорежиссер Отар Иоселиани. С 2000 года ректор консерватории — известная пианистка, народная артистка Грузии Манана Доиджашвили. Окончила училище имени Гнесиных, Тбилисскую консерваторию и аспирантуру. Преподает с 1973 года, профессор. Выступает с 18 лет. Художественный руководитель и директор Большого зала Консерватории. Основатель Тбилисского международного конкурса пианистов.

Госпожа Доиджашвили, как и когда родился Тбилисский конкурс?

Наш конкурс существует с 1997 года, он проводится раз в четыре года. Его основная цель — пропаганда грузинской пианистической школы, которая очень сильна. Хотелось привлечь к ней внимание на Западе, да и вообще к Тбилиси как к музыкальному центру. Это нам удалось — конкурсом сейчас интересуются очень многие музыкан-

ты. И Тбилиси того стоит: в нашем городе должен быть такой конкурс. Из Закавказья приезжают все, кто может. Много участников из России и других европейских стран. Есть и американцы, и японцы, и корейцы...

Проводят ли мастер-классы члены жюри конкурса?

Во время конкурсов мастер-классы проводятся всегда. Так, на прошлом конкурсе мастер-класс провела Элисо Вирсаладзе,

хотя и не была членом жюри, был мастер-класс Дмитрия Башкирова. Во время Третьего конкурса мастер-классы проведут Олег Майзенберг и Дмитрий Алексеев, а на открытии Мишель Дальберто сыграет Пятый концерт Бетховена вместе со Львом Маркизом и нашим студенческим оркестром.

Как случилось, что Лев Маркиз, всемирно известный дирижер, взял на себя руководство студенческим оркестром Тбилисской консерватории?

Как-то раз я получила от него факс, где он писал, что готов помочь Тбилисской консерватории в любом качестве. Как раз в тот период был организован оркестр — до этого у нас его очень долго не было, а консерватория без него не может существовать. Тогда нас пригласили на Боннский фестиваль, и я попросила Лева посмотреть, что можно с оркестром сделать, потому что коллектив был совсем новым. Программу, которую подготовил Лева, — симфонии Бетховена и Мендельсона — оркестр потом играл очень много, и именно этот момент стал для оркестра поворотным. Без Лева он скорее всего распался бы. И я бесконечно благодарна Лева за то, что он приезжает и уделяет оркестру столько времени. Теперь оркестр каждый год участвует в нашем новогоднем фестивале, на который приезжают музыканты с мировым именем. А в мае наш оркестр играл на фестивале, посвященном юбилею Гии Канчели.

Как вы стали ректором Тбилисской консерватории?

Ректором я стала в 2000 году, до того была художественным руководителем и директором Большого зала, а сейчас работаю и там, и здесь. Свою роль сыграло то, что было сделано в Большом зале, как он ожил и стал жить активной концертной жизнью — после того, как около десяти лет он почти не функционировал и был фактически закрыт, там одни крысы бегали. Исходя из этого консерватория решила пригласить меня. Даже альтернативы не было.

Что происходило с Большим залом в те годы, когда он был закрыт?

У Большого зала Консерватории — огромная, давняя традиция. В нем выступали все выдающиеся музыканты начиная с Рихтера, могу даже не перечислять всю плеяду: жизнь кипела. Зал не выдержал такой эксплуатации, его закрыли на ремонт, но средств не было и зал практически умер. Восстановить его было моей идеей фикс, от этого зависела вся музыкальная жизнь Грузии. Тогда еще президентом был Эдуард Шеварднадзе, у нас были с ним очень хорошие отношения. Мне удалось его убедить в том, что возможно восстановить Большой зал, и он был не то что реконструирован, а заново выстроен. Заменять нужно было абсолютно все. Это было сделано за 6—7 месяцев напряженной работы.

Как жила в те годы консерватория?

Время было очень тяжелое, но консерватория не пошла ни на какие компромиссы, как многие другие вузы, которым пришлось открыть дополнительные факультеты: юридический, экономический, — это престижно и помогает привлечь финансы... Консерватория отнеслась к такому поветрию очень консервативно, наш бывший ректор Нодар Габуния сделал тогда максимум возможного. Сохранил консерваторию, дал ей возможность не умереть. Шла гражданская война, а консерватория охранялась, чтобы не потерять хотя бы то, что осталось на тот момент.

Как это было возможно в условиях гражданской войны?

Здесь просто дежурили все — педагоги, профессора. Приходили по очереди, на ночь оставались, ведь война шла буквально под окнами. Здание старое, оно могло сгореть, мы все были начеку, чтобы ничего у нас не украли, потому что бандитов и мародеров было достаточно — как во время любой войны. И здесь преподаватели проявили не только свое чувство долга, но и огромную любовь. Все занимались на дому, ведь 90% консерваторских занятий — индивидуальные. В консерватории проходили только групповые занятия, и они не прекращались. А дома в ход шли керосинки, любые отопительные приборы, которые могли согреть хотя бы одну комнату, и в ней было можно жить. Через это прошли почти мы все.

В консерватории немало студентов, у которых глаза горят от желания учиться, но есть ли кому их учить?

Нельзя сказать, что некому учить. Традиции у нас остались, хотя очень многие уехали — весь камерный оркестр, многие квартеты, пианисты, вокалисты... Надежду вселяет то, что есть люди, которые начинают возвращаться. Есть молодые, которые, получив образование на Западе, хотят вернуться сюда и преподавать. И сегодня тут для этого создаются нормальные условия. Чтобы люди почувствовали — они занимаются искусством. Чтобы уехавшие поняли — они нужны здесь. Для Грузии музыка, искусство — важнейшие приоритеты. Вряд ли мы когда-нибудь будем строить самолеты, у нас другая страна. То, что происходит у нас сегодня, — мастер-классы, приглашенные профессора, тот интерес, который мы вызываем у консерваторий других стран, — такого в консерватории не было даже в лучшие ее времена. Границы сейчас открыты для любых контактов, и здесь дают уроки настоящие мастера.

Кто, например?

Назову выдающегося гобоиста Франсуа Лелё: он ежегодно проводит здесь конкурс духовиков. На заключительном концерте он сам играет вместе с лауреатами, привозит для них инструменты. Так создается инструментарий. Лев Маркиз привозит нам скрипки, духовые, ударные инструменты. У Марка Малковича, который возглавляет Ньюпортский фестиваль в Америке, уникальная нотная библиотека. И все, что может, он копирует

и посылает нам. Так что и наша библиотека обещает быть очень богатой, — там есть книги и ноты XV—XVI веков.

Мне попадались там и такие ноты, которые могут никогда никому не понадобиться — вроде оперы Хренникова «Мать»...

Вы знаете, библиотека на то и библиотека, чтобы там можно было найти даже оперу «Мать». Когда-то подобные вещи рассылались оптом... теперь какую-то их часть, возможно, следует раздать музыкальным школам. А фонотека была воссоздана с нуля, раньше у нас все хранилось на «бобинах» — а они рвутся, осыпаются, размагничиваются... Поэтому, ремонтируя консерваторию, мы сразу имели в виду сделать современную фонотеку. И один из наших спонсоров полностью это профинансировал. А другой партиями посылал нам диски.

Не так давно вы вернулись из Америки, где у вас были концерты. Как часто вам удается выступать?

Консерватория отбирает столько времени и сил, что от многого приходится отказываться. Однако административной жизни не может быть без творческой — не смогу работать, если не подойду к инструменту, не поиграю, не вспомню о том, что я музыкант. Выступать удается несколько раз в году, это очень немного. Я очень благодарна Лева Маркизу за то, что он часто приглашает меня сыграть вместе с ним, иногда даже заставляет (смеется).

Сейчас в Тбилисской консерватории активно идет ремонт; помогает ли в этом государство?

Нам помогает мэрия; государство же впервые выделило средства лишь в этом году. В течение уже нескольких лет идет поэтапная реконструкция здания, хотя консерватория ни на день не прерывала занятий. Ремонт идет в авральном порядке, практически при 24-часовом режиме, в три смены. Мэрия сделала нам газовую проводку, до этого консерваторию отапливали соляркой, зимой здесь было холодно. Были проблемы и с электричеством, теперь мы подключены к линии, которая идет к отелю Marriott, а там есть свет всегда. Теперь он и у нас не тухнет. Но это стоило огромных усилий.

Каковы ваши впечатления от грузинской «бархатной революции»? Есть ли у вас контакт с теперешней властью?

Контакт у нас постоянный. Консерватория — это такая ценность, что все правительства понимают: ей надо помочь. По этому поводу с новой властью у нас нет разногласий. В этом году мы впервые получили от министерства культуры сто тысяч лари для ремонтных работ. Мы все в ожидании перемен: в каких-то областях они уже происходят, в каких-то это только ожидается. Такие события все сразу не меняют, они приносят и большие разрушения, и большие надежды. Я очень надеюсь, что произошедшее принесет что-то положительное именно для культуры Грузии. Мы все надеемся.